

ГЛАГОЛЫ ПОЛЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФРАГМЕНТ МИРОВИДЕНИЯ ХАКАСОВ

М. Д. Чертыкова

Аннотация: В статье проанализирована тема отражения мировоззренческого опыта конкретного этноса в языке. Исследование проиллюстрировано примером глагольной лексики в хакасском языке.

Ключевые слова: хакасский язык, мировидение, антропоцентризм.

Каждый язык, как система, отражает концептуализацию действительности — взгляд на мир определенного этноса. Все многообразие окружающей действительности находит воплощение в языковой системе в виде обозначений действий, явлений и реалий, занимающих особенно важное место в жизни того или иного этноса. Тем самым человек пытается создать мир по своему образу и подобию. «С одной стороны, человек категоризирует действительность, и структуры, представленные им, обусловлены человеческой природой, его сознанием. — пишет Н. В. Обвинцева, — С другой стороны, сам язык имеет предпосылки для классификации. В лексической системе это выражается в общности значений единиц системы и в их семантических связях» (Обвинцева, 2010: 3). С. А. Моисеева считает, что на современном этапе развития языкознания представления о том, как человек в своем языке классифицирует, оформляет в виде категорий окружающую действительность, существенно изменились: «Основная идея такова: и сам окружающий человека мир не хаотичен, он определенным образом структурирован, соответственно — восприятие и

Чертыкова Мария Дмитриевна - кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного
университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан.

отражение человеком действительности носит упорядоченный характер» (Моисеева, 2005: 78).

Носители разных языков по-разному «членят» окружающий мир на фрагменты, которые получают самостоятельные названия. Наименования некоторых предметов и явлений не всегда имеют точное соответствие в других языках. Различия в восприятии мира проявляются в языке не только на уровне лексики, но и грамматики (например, различные виды времен глагола в разноструктурных языках), словообразования (например, изобилие в русском языке уменьшительно-ласкательных суффиксов или личные окончания глаголов в тюркских языках, сохранившие свой конкретный смысл). Фразеологический фонд отдельного языка также отличается спецификой своего выражения. Именно лексика языка, семантика слов в их прямых и переносных значениях является вместилищем, где сосредоточен опыт народа по постижению мира. Подобная система отражения этнических познаний мира в языке получила название «национальной картины мира». «Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, она существует в сознании человека и этноса в целом. С последним связана национальная картина мира, которая, с одной стороны, является некоторой абстракцией, а с другой, когнитивно-психологической реальностью, обнаруживающейся в мыслительной и познавательной деятельности народа, в его поведении — физическом и вербальном» (там же: 12).

Особую роль в передаче знаний и ценностей между поколениями играет глагольная лексика, которая обладает национально-культурным своеобразием и является фрагментом языковой картины мира. Если смотреть на глагольную лексику, в частности, на глаголы поля психической деятельности, с антропоцентрической точки зрения, то она существует в сфере разного рода деятельности человека. Все виды своей деятельности, а также свое отношение к явлениям действительности человек выражает в языке. Таким образом, глаголы поля психической деятельности, являясь одним из структурных образований в лексической системе языка, существуют в нескольких проявлениях: как объект исследования, как наименования (выражения) различного вида деятельностей человека, как объект, обладающий функциональным потенциалом, как лексические единицы, взаимодействующие между собой в пределах языковой системы и как проявление прагматики в их языке. Поле глаголов психической деятельности включает лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов со значениями говорения, мышления, эмоции, восприятия и поведения, т. е. глаголы, в

семантике которых присутствует человеческий фактор.

Глагольная лексика в рамках данных ЛСГ, хоть и представляет основной и важный пласт лексической системы языка, является наиболее сложной, интересной и пока еще мало изученной областью тюркской лексикологии. Исследования данных глагольных ЛСГ в антропоцентрическом аспекте предполагает отражение в конкретном языке национального мировоззрения, видения мира, ментальности и духовного опыта языковой личности и позволяет выявить определенные фрагменты процессуально-событийной национальной картины мира. Например, ментальные глаголы, называя ментальные действия и состояния, являются важным материалом в описании одного из аспектов мировоззрения — ментальности языковой личности. Семантика глаголов со значением эмоции включает позицию причины (стимула) эмоционального переживания, что дает возможность проследить связь между человеком (или живым существом) и окружающей его действительностью, реакцию субъекта на определенные стимуляторы. В семантике глаголов поведения наблюдается актуализация всех возможностей для обозначения характера, ситуативных переживаний, действий и ощущений языковой личности. Таким образом, поле глаголов психической деятельности состоит из лексических единиц, выполняющих концептуализирующую роль в процессе создания образа языковых личностей, чему способствуют их специфическая семантика и семантическая парадигматика ЛСГ. Совокупность анализируемых глагольных лексем, функционирующих в языке и речи, передает весь спектр действий, событий, процессов, состояний, характеризующих языковую личность.

В 1980-х гг. к изучению лексической системы языка стали применять антропоцентрический подход (Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин), который заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их значимости для человека в его жизнедеятельности. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. «Антропоцентрический подход к языку, в соответствии с которым «человек — центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» (Золотова, 1981: 5) — предлагает рассмотрение языка в неразрывной связи с сознанием и мышлением человека, с его духовным миром. Именно понимание языка, как антропоцентрического феномена, стало характерной чертой лингвистики на рубеже XX–XXI веков и выдвинуло на первый план изучение взаимоотношения языка и культуры. Это взаимоотношение рассматривается как диалог,

ибо «культура — это мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» (Телия, 1991: 60), а язык — это отражение культуры и миропредставлений определенного этноса. Как видим, язык и культура неотделимы друг от друга, ведь язык является средством формирования и сохранения культуры, своеобразным ключом к формированию ее семантики, ее кодов, ее установок.

«Отражая глубинный слой миропонимания людей, — подчеркивает Ю. Д. Апресян, — картина мира создается в результате двух процессов познания: во-первых, в результате опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, во-вторых, в результате создания, разработки новых образов мира в процессе рефлексии объективной действительности. Последнему утверждению не противоречит тот факт, что «интуитивные представления о вещах не всегда расходятся с научными» (Апресян, 1995: 299).

Одним из важнейших базовых аспектов в духовно-психической деятельности человека является его ментальная функция, которая проявляется в особенностях его восприятия и познания мира, мышления, памяти и поведения. Если исследованием и структурированием ментального, внутреннего мира человека занимаются такие научные сферы как психология, философия, то лингвистике отведена особая роль, поскольку именно языковые структуры являются важным источником сведений о деятельности сознания, а иногда и подсознания индивида.

Специфику исторически сложившейся хакасской языковой картины можно наблюдать в обозначении ментальности в основном многозначными языковыми средствами. В. В. Колесов определяет ментальность как мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях (Колесов, 1993: 81). Ментальные глаголы, или глаголы умственной (мыслительной) деятельности, составляют одну из основных, базовых ЛСГ в лексической системе любого языка. Степень участия этих глаголов в описании национального мировоззрения достаточно высока. Они охватывают широкий круг обозначений различного рода ментальных действий и состояний.

В численном отношении ментальные глаголы хакасского языка, как и в других тюркских языках, уступают многим разрядам семантических групп. В хакасском языке, по нашим подсчетам, 54 глагола с категориально-лексической семой «осуществление ментальной деятельности». Малочисленность этих глаголов компенсируется многозначностью их семантики,

следовательно, явление глагольной многозначности охватывает почти всю структуру ЛСГ ментальных глаголов в хакасском языке.

Понятие эмоций, как одно из проявлений антропоцентрических основ, распространяется также на области психологии и философии. Такие основные эмоции человека, как печаль, радость, страх, раздражение, гнев, называемые в психологии базовыми, проявляют активность и в языковом выражении. Как известно, зависть относится к отрицательным эмоциям и строго осуждается в этическом сознании народа, а также считается одним из плохих качеств человека. В связи с этим обычно человек не признается в своей зависти к кому-либо и склонен отрицать у себя наличие этого чувства. В языковом отражении также непривычно употребление глаголов и фразеосочетаний со значением зависти в первом лице, за исключением выражения «белой зависти»: *Атарханчам сирерге, улугларым, кемнер хакас поэзиязын төстөөн* (Г. Кичеев) — «Завидую вам, мои предки, кто основал хакасскую поэзию». *Чуит, сiлiг поэцини, чилге кўннеп, iстiм кўйедiр минiң* (Тх, 31) — «Я завидую ветру, ревную тебя, молодую и красивую». Следует отметить, что в хакасском языке только фразеосочетание **iстi кўй** — букв. «нутро горит, завидовать, страдать от зависти» и глаголы **атаарха** — «завидовать», **атанна** — «завидовать» могут употребляться в первом лице, выражая «белую» зависть. Фразеосочетания **iстi чоxtан** — букв. «оставаться без нутро, завидовать», **артых кўр** — букв. «смотреть лишним, 1) завидовать (черной завистью); 2) «сглазить» и глагол **кўйiрке** — «завидовать» — лишены оттенка «белая» зависть и не могут употребляться в первом лице.

В русском языке, если только речь идет о «белой» зависти употребляются выражения типа «я тебе по-хорошему завидую», «я завидую вам белой завистью», а также непременным условием функционирования подобных высказываний являются доверительно-доброжелательные взаимоотношения коммуникантов. В хакасском языке при выражении «белой» зависти не применяются подобные конкретизаторы, однако это чувство-отношение обычно интуитивно «прочитывается» в тоне и содержании высказывания.

Обычно при составлении подгрупп в семантической классификации ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке наиболее многочисленными являются подгруппы глаголов с отрицательной эмотивной семантикой, чем подгруппы глаголов со значениями нейтральной и положительной эмоций. В русской языковой картине мире также отмечается преобладание выражений отрицательных эмоций. В хакасском языке также основ-

ная часть глаголов со значением поведения имеет отрицательную оценку субъекта со стороны наблюдателя. В ЛСГ глаголов говорения подгруппу глаголов со значением положительного отношения образуют лишь три глагола: **махта** — 1) хвалить (за что-л.); 2) одобрять; **махтан** — «хвалиться»; 3) **чახсыла** — «хорошо отзываться о ком-чем-л.». Таким образом, на уровне лексической системы определенных фрагментов хакасского языка, видим, что глагольная лексика с положительной семантикой выглядит более-менее скромной, чем глаголы с отрицательной семантикой. На наш взгляд, такое своеобразие хакасского языка реконструируется на основании генетически сдержанного, скромного характера хакасского народа, который вместе с тем непримирим к каким-либо проявлениям отклонений от нравственных норм, отсюда и следуют изобилие и разнообразие глаголов с отрицательным оттенком. Это одна из причин, которыми мы объясняем преобладание лексики с отрицательной семантикой в хакасском языке.

Преобладание слов с отрицательным оценочным признаком исследователи отмечают и в других тюркских языках. Н. Р. Ойноткинова, исследуя проявление эмоционального мира алтайцев, отмечает, что в семантике алтайских пословиц и поговорок преобладают характеристики отрицательных эмоций, таких как грусть, тоска, обида. Осуждается прозорливый пессимизм, заблаговременное мысленное притягивание «негатива». «В алтайских пословицах горе персонифицируется в живое существо, всегда находящееся поблизости и внезапно появляющееся (*Жеткер јен алдынан чыгар, / Ачу айак алдынан чыгар* 'Беда из-под рукава явится, / Горе из-под ноги явится', русские определяют его как тяжесть: *Человек согнулся от горя; Горе давит*)» (Ойноткинова, 2012: 38).

Объяснение такому положению лексики мы находим также в высказываниях известных ученых. В. Н. Телия отмечает, что мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, нежели «возносить на небеса» (Телия, 1991: 60). Не исключено, что такому положению вещей способствовала библейская культура, ибо сказано: «Не сотвори себе кумира». «Дерогативность пронизывает все слои человеческой жизни. Источником дерогативности является сам человек со всеми его недостатками характера, внешности и порождаемой им социальной действительности. Дерогативы — это слова негативной оценки, со значением пренебрежительности, презрительности, уничижительности» (Рамазанова, 2011: 151). Как видим, отрицательные стороны реальной действительности, в котором присутствует человеческий фактор, обычно воспринимаются человеком

ярче и острее, чем положительные, к которым он привыкает быстрее и воспринимает как норму бытия.

Своеобразие специфики хакасского языка особенно наглядно отражается также в богатстве фразеологического фонда. Например, если для русского человека эмоциональная жизнь связана только с сердцем, то в сознании хакаса затрагиваются (охватывает) и легкие, и печень, и нутро. При этом семантика конкретных эмоций связаны с конкретными органами, например, легкие отвечают за злость, печень — тоска, страдание, нутро — зависть. Примеры: **өкпе тур** — «разозлиться; букв. легкие встали», **өкпе чарыл** — «быть в разгневанном состоянии», букв. «легкие раскалываются», **паар хуру** — «сильно тосковать»; букв. «печень сохнет», **паар хайыл** — «страдать»; букв. «легкие тают», **істі көй** — «завидовать»; букв. «нутро горит», **істі чараба** — «завидовать», букв. «нутро не подходит» и т. д.

И, наконец, хотелось бы отметить еще одну, очень важную, особенность исследования системной лексики любого языка: она имеют эпохальное историческое значение для исследования человеческих знаний об окружающем мире, т. к. язык отражает уровень представлений людей о тех или иных явлениях, социальном устройстве, их художественном мышлении, характерных для определенного периода времени. При сравнении текстов, зафиксированных в словарях (идеографических, синонимических и др.), художественной литературе разных исторических периодов, отраженные в них различия и общности в менталитете и сознании народов, живших в разных исторических условиях, были бы наглядным материалом для определенных исторических исследований.

Таким образом, исследование глагольной лексики хакасского языка через культуру, ментальные структуры общества позволяет выявить когнитивное содержание, которое репрезентирует фрагмент сложившейся в хакасском этносе языковой традиции мировидения. Поле глаголов психической деятельности является ядерным для любого языка, единицы которого обладают национальным своеобразием своей семантики и употребления. Данное поле, как одно из аспектов проявления антропоцентризма, в частности, особенности и специфика ее формальной и семантической структуры, характер их взаимоотношений внутри семантических группировок, т. е. глагольных ЛСГ, рассматриваются нами как фрагменты национального мировидения хакасского народа.

Список литературы:

- Апресян, Ю. Д. (1995) Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избр. труды. М. : Школа «Языки русской культуры». Т. 2. 472 с.
- Золотова, Г. А. (1981) О субъекте предложения в современном русском языке // Научные достижения высшей школы. Серия Филологические науки. № 1. С. 33–42.
- Колесов, В. В. (1993) Логический анализ языка. Ментальные действия. М. : Наука. 326 с.
- Моисеева, С. А. (2005) Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород : Изд-во БелГУ.
- Обвинцева, Н. В. (2010) Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках. Челябинск.
- Ойноткинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров : автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Казань. 46 с.
- Рамазанова, А. Х. (2011) Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках // Вестник Воронежского университета . Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 151–153.
- Телия, В. Н. (1991) Механизмы экспрессивной окраски // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука. С. 36–66.

Дата поступления: 12.03.2015 г.

GROUP OF VERBS OF MENTAL ACTIVITY AS FRAGMENT OF WORLDVIEW OF KHAKASS

M. D. Chertykova

Abstract: Article analyzes the reflection of worldview experience of an ethnos in the language. The study is illustrated by the verb vocabulary of Khakass language.

Keywords: Khakass language, worldview, anthropocentrism.